

- Валерий Александрович, мы достаточно долго с вами не встречались. Что произошло в вашей жизни за этот период, чем занимаетесь?

- Что могло произойти?
- Жизнь как жизнь. В октябре прошлого года МНТЦ «Укрытие», где я сейчас работаю, направил меня на обследование в Институт радиационной медицины. Приняли меня хорошо, врачи очень доброжелательные и внимательные люди, стал проходить обследование. Что меня удивило и поразило: в столовой, среди взрослых дядь и тетя находились дети 12-15 лет. В УНЦРМ со стороны попасть очень трудно, значит, дети эти серьезно больны...

И еще неприятный факт. Несмотря на то, что Центр является ведущим учреждением среди стран СНГ в области установления характера заболеланий, связанных с радиационным воздействием, у него не хватает средств на покупку лекарств, витаминов, некоторые больные те же капельницы покупают за личные деньги...

К сожалению, и некоторые врачи, особенно молодые, совершенно не имеют представления о зоне отчуждения. Например, они не знают, где находится цех дезактивации, который, как нам известно, располагается рядом с четвертым блоком. Со мной лежал больной, выходявший в 1986 году шесть раз на крышу третьего блока. Так меня врач спрашивает: «А где эта крыша третьего блока?» Вот тут я как-то растерялся и не знал, что ему ответить. Считаю, таких врачей хотя бы раз нужно свозить на экскурсию в зону - это сделать необходимо.

- А ведь им делать «связь», какая же здесь может быть объективность? Хотя, надеюсь, не все врачи похожи на этого?

- Безусловно. Есть в клинике заведующий неврологическим отделением Владимир Григорьевич Костюченко. Он, в моем понимании, напоминает лучших земских врачей: приходит в отделение затемно, а уходит, - когда давным-давно темно. Может, им не хватало штата? Кто же будет делать «связи»? В УНЦРМ приезжают на обследование ликвидаторы из разных республик бывшего Союза, например, из Узбекистана, Молдовы. Вот и у нас в Казани такую «связь» не имеют права делать, несмотря на то, что есть свой громадный медицинский институт и Государственный институт усовершенствования врачей в Волгограде.

Словом, написали мне там массу непонятных бюллетеней, и с этим, весьма довольный, с благодарностью, я выписался. Успел написать годовой отчет по работам в зоне отчуждения, «тиснул» две статьи в периодике - обычная работа.

- А затем, вероятно, снова приехали в зону отчуждения и стали заниматься прерванными исследованиями? Как поживает наш америчий?

- Что америчий? Американий нарабатывается из плутония-241, его уже соотносительно с суммой изотопов плутония где-то процентов 60-70. Но есть интересный факт. В поверхностных водах содержание соотношения америчия к сумме изотопов плутония превышает единицу. То есть характер перехода его в раствор опережает переход в раствор плутония. Это мы называем инкоигруэнтностью растворения - процесс не новый, на все остальные химические элементы он также действует. К примеру, если взять

обычную горную породу, минерал. Когда он растворяется, уходит в первую очередь калий, натрий. Так же из топливной матрицы идет опережающий выход в раствор америчия. По литературным данным, в зависимости от условий, отличающих породу, в ряде случаев он достаточно быстрый мигрант.

Ну и, конечно, в анализах проб с «Рыжего леса» внутри древесного ствола

Когда произошла авария, радиоактивная пыль выпала на поверхность водоемов, и поскольку это были мельчайшие частицы, она не тонула, сохранялась на поверхности воды и затем ветром ее прибивало к берегам. Эта пыль в ряде мест, особенно на левом берегу Припяти, дает очень большой фон. Есть места до рентгена и больше. Но ширина этих полосок

отчуждения слишком много воды.

Говорят, нет технологической переработки высокоактивных отходов. Однако твэлы перерабатываются и в Красноярске, и в Томске. А разве это не высокоактивные отходы?

- Уж больно дорого Украине придется платить за переработку высокоактивных отходов России.

ЗОНА: ОПЫТ, ПРАКТИКА, ПРОБЛЕМЫ

ВАЛЕРИЙ КОПЕЙКИН: «К СТАРЫМ ПРОБЛЕМАМ ЖИЗНЬ ДОБАВЛЯЕТ НОВЫЕ»

С Валерием Александровичем Копейкиным наши читатели встречались неоднократно. Вероятно, многие помнят, что он один из первых исследователей и ученых, кто поднял проблему растворимости и миграции плутония в Чернобыльской зоне. Первое такое сообщение было сделано им на второй Международной конференции по проблемам Чернобыля. Спустя время он уже выступает на страницах «Вісника Чорнобиля» с не менее сенсационным заявлением об америчии, продукте распада плутония, и чем это может грозить. Некоторые прислушались к его сообщению, немало и таких, кто на все лады стал шельмовать ученого, мол, «не учи ученых», и опустились до откровенной бестактности в оценке его деятельности и даже личности (Валерий Александрович - доктор геолого-минералогических наук, профессор Казанского государственного университета).

Нужно сказать, что в этих перебранках он одержал верх, поскольку не стал отвечать своим оппонентам тем же, а спокойно продолжал и продолжает работать, отбирая пробы, производя анализы...

Повстречавшись с Валерием Александровичем, мы не упустили возможности с ним побеседовать и, кажется, наш разговор будет небезынтересным для читателей «Вісника Чорнобиля».

его, как и плутоний, мы находим. В прошлом году «Чернобыльлесом» производилась противопожарная вырубка леса от Зеленого Мыса до Бычков. Там древесина в радиационном отношении «чистая», но мы привозили образцы проб древесины из России, где нет чернобыльского следа. Это Тамбовская область, Татария, Чувашия, Мордовия, Горьковская область и ряд других. Так вот, если сравнивать российскую и чернобыльскую древесину, то они по чистоте не идут ни в какое сравнение: в чернобыльской древесине, в зависимости от места вырубки, встречаются следы и стронция, и цезия.

Что касается «чистой» древесины. Юридические нормы на содержание радионуклидов у нас имеются только по цезию, а на стронций таких норм еще не разработано. И вот если эту древесину вывезти из зоны отчуждения, скажем, для постройки дома, то у вас остаются отходы, которые вы сжигаете в печи. А эта зола уже попадает в разряд низкоактивных отходов.

Мне нередко задают вопрос: так можно ли будет заселяться людям в зону отчуждения, к примеру, лет через 300, когда не будет уже гамма- и бета-излучения? Но ведь остается плутоний, период полураспада которого

аномалий невелика - два-три метра. Специальные работы по изучению этого явления нужно начинать уже сейчас, поскольку одно дело, если мы займемся изучением сейчас, а другое, если через десять лет, когда активность еще снизится на порядки. Это может дать положительный эффект в плане разгадывания многих тайн Чернобыльской катастрофы.

- Существуют ли карты расположения подобных аномалий? Мне кажется, обнаружив их, то не составляет труда их собрать и захоронить в могильниках: шутка ли, рентгены?

- Таких карт не существует, но они необходимы. Можно ли аномалии собрать? Можно, но в зоне отчуждения, по большому счету, нужно все собирать. Аномалии можно собрать и захоронить или в Чистоголовке или сделать новый могильник, потому что эти пятна наверняка будут обнаружены не только в 30-км зоне, но и за ее пределами.

- Мне приходилось разговаривать с людьми, которые на полном серьезе ратуют за создание подземных глубинных хранилищ для захоронения высокоактивных отходов. Вы геолог и наверняка знаете структуру почв и подземных ландшафтов

зоны отчуждения. Пригодна ли она для таких сооружений?

- Во-первых, в зоне отчуждения нет никаких подземных гранитных массивов. Возможно, подземную лабораторию с небольшой комнаткой величиной в той же Чистоголовке можно и построить. Во-вторых, ради какой цели? Переработки? В таком случае нужно знать масштабы захоронения отходов. Если эти масштабы велики, можно сделать штольню, но, естественно, не в глыбину и не у нас здесь - в зоне

- Да, слышал - Украина сама хочет сделать свой ядерный цикл, пусть и не в тех масштабах, что в России. Но помилуйте, сделать тот же твэл - это сложнейшая технология, это спецоборудование, это спецматериалы, которые получить государству, испытывающему такие сложности, - невозможно. Это пытаются сделать, имея громадные запасы валюты, Ирак. И что, добился?

Мое глубокое убеждение - в ближайшей десятке лет Украине такая задача не по плечу. Кстати, и спецметаллов в Украине нет, их также придется закупать за валюту. Потом, как Украина докажет, что для твэлов она обогащает уран на 3-4 процента, а не больше? Поэтому все ядерные державы внимательно следят, чтобы у них не появился новый ядерный сосед и будут сознательно противодействовать, в данном случае Украине, чтобы здесь не образовался новый ядерный цикл.

- И в завершение, что бы вы хотели сказать о тех, кто не может получить инвалидность, связанную с работами в зоне отчуждения, хотя имеющих на это полное основание? О купленных связях, может быть, поговорим когда-нибудь в другой раз. Я к тому, что вы УНЦРМовские порядки уже знаете.

- Да, я там беседовал со специалистами. Говорю им: сейчас люди в зоне работают 6-7-8-9-10 лет. Доз у многих, естественно нет, а болезней - куча. Поэтому нужно ставить вопрос: важна не доза, а длительность работы в Чернобыле и характер работы. Одно дело работать в столовой, а другое - брать пробы в «Рыжем лесу» или на промплощадке ЧАЭС. И профессор Ангелина Ивановна Нягу мне откровенно сказала: «Да, мы сейчас к этому выводу пришли, но его приходится пробивать».

... В Украине это вообще доходит до абсурда. Однако, поживем, увидим. А ликвидаторам в канун 10-летия Чернобыльской катастрофы прежде всего желаю крепкого здоровья и чтобы государство никогда не забывало, какой подвиг они совершили десять лет назад.

Беседу вел Виталий РОМАНОВ.